

УДК 930.1

Мохаммед Амир Абдул Джаббар Мохаммед¹,
Т. Т. Кручковский², доктор исторических наук, доцент

Учреждение образования «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы», ул. Ожешко, 22,
230023 Гродно, Республика Беларусь, ¹+375 (25) 640 59 37, ²+375 (29) 783 72 42,
tkruczkowski@yahoo.com

КУЛЬТУРА ВАВИЛОНСКОГО ЦАРСТВА В АСПЕКТЕ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ИСТОРИЧЕСКИХ ЗНАНИЙ В ОЦЕНКЕ СОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ (20-Е — НАЧАЛО 50-Х ГОДОВ XX ВЕКА)

Советская ассириология в начальный период своего существования (20-е — начало 50-х годов XX века) стала временем становления новых оценочных подходов с точки зрения марксистской историософии к проблематике развития культуры, в том числе в аспекте зарождения и развития исторических знаний. Период 20-х — начало 50-х годов XX века был временем в советской историографии становления и упрочения жесткой марксистской концепции рабовладельческого строя на Древнем Востоке (В. В. Струве). Только методологические споры второй половины 50-х годов XX века привели к признанию специфики древневосточных обществ в отличие от античности (концепция академика А. И. Тюменева). Однако основы этих новых оценочных позиций заявленного периода исследования сохранились, хотя и с определенными вариациями, до конца советского периода.

Статья посвящена малоисследованной в исторической науке проблеме: рассмотрению оценочных подходов советской историографии применительно к аспекту зарождения и развития исторических знаний в культуре Вавилонского царства. Актуальность исследуемой проблематики определяется тем, что ее научная разработка способствует осмыслению философско-исторического наследия древних цивилизаций (в этом случае древней Вавилонии), что, в свою очередь, помогает определению вектора и особенностей развития человечества на современном этапе с позиции цивилизационного подхода. Результаты исследования могут быть использованы для дальнейшей разработки проблематики зарождения и развития исторических знаний в Древней Вавилонии, в этом заключается их практическая значимость.

В данной статье авторы, рассматривая оценочные подходы советской историографии периода 20-х — начала 50-х годов XX века к проблематике появления и развития исторического знания в Вавилонском царстве, решают задачу показа этого процесса в цивилизационно-культурологическом аспекте как части шумеро-аккадско-вавилонской цивилизации.

Ключевые слова: историография; марксистская методология; цивилизация; Вавилонское царство; Месопотамия; мифология; религия; исторические знания.

Библиогр.: 29 назв.

Mohammed Amir Abdul Jabbar Mohammed¹,
T. T. Kruczkowski², Doctor of Historical Sciences, Associate Professor,
Institution of Education “Yanka Kupala State University of Grodno”, 22 Ozheshko Str., 230023 Grodno,
the Republic of Belarus, ¹+375 (25) 640 59 37, ²+375 (29) 783 72 42, tkruczkowski@yahoo.com

THE CULTURE OF THE BABYLONIAN KINGDOM IN THE ASPECT OF THE EMERGENCE AND DEVELOPMENT OF HISTORICAL KNOWLEDGE IN THE ASSESSMENT OF SOVIET HISTORIOGRAPHY (20S EARLY 50S OF THE XX CENTURY)

Soviet Assyriology in the initial period of its existence (20s — early 50s of the twentieth century) became the time of formation of new evaluative approaches from the point of view of Marxist historiography to the problems of cultural development, including in the aspect of the origin and development of historical knowledge. The period of the 20s — early 50s of the twentieth century was the time in Soviet historiography of the formation and consolidation of the rigid Marxist concept of the slave system in the ancient East (V. V. Struve). Only methodological disputes in the second half of the 50s of the twentieth century led to the recognition of the specifics of ancient Eastern societies in contrast to

antiquity (the concept of Academician A. I. Tyumenev). However, the foundations of these new evaluative positions of the stated research period remained, albeit with certain variations, until the end of the Soviet period.

The article is devoted to a little-studied problem in historical science: consideration of the evaluative approaches of Soviet historiography in relation to the aspect of the origin and development of historical knowledge in the culture of the Babylonian kingdom. The relevance of the problem under study is determined by the fact that its scientific development contributes to the understanding of the philosophical and historical heritage of ancient civilizations (in this case, ancient Babylonia), which in turn helps to determine the vector and features of human development at the present stage from the perspective of a civilizational approach. The results of the research can be used to further development of the problems of the origin and development of historical knowledge in ancient Babylonia, and this is their practical significance.

In this article, the authors, considering the evaluative approaches of Soviet historiography of the period of the 20s — early 50s of the XX century to the problems of the emergence and development of historical knowledge in the Babylonian kingdom, solve the problem of showing this process in the civilizational and cultural aspect as a part of the Sumerian-Akkadian-Babylonian civilization.

Key words: Historiography; Marxist methodology; civilization; Babylonian Kingdom; Mesopotamia; mythology; religion; historical knowledge.

Ref.: 29 titles.

Введение. Современный цивилизационный дискурс делает актуальными исследования по истории Древнего Востока. Как одно из проявлений особенностей цивилизационного развития Древней Месопотамии следует, на наш взгляд, рассматривать процесс появления и развития исторического знания из мифологии и конфессиональных систем.

Современный мир, характеризующийся ускорением культурного и социально-экономического развития, представляет собой сообщество, в котором происходит определенное сближение различных типов цивилизаций, формирование относительно единого мирового сообщества. В противовес глобализационной теории существуют историософские теории, оценивающие развитие человечества как путь развивающихся отдельных цивилизаций. Одной из основ такого подхода являются цивилизации Древнего Востока, значительно отличающиеся друг от друга. Одной из таких цивилизаций являлась шумеро-аккадско-вавилонская, иногда называемая вавилонской или месопотамской.

Одна из крупнейших цивилизаций Древнего Востока — Вавилонская с центром в городе Вавилоне. Она вошла в мировую историю как одна из первых цивилизаций, в которой была разработана и создана законодательная система, разработана определенная система научных знаний, в том числе исторических. Однако это название, укоренившееся в исторической науке, не вполне корректно. Возникновение Вавилонской цивилизации было в большей или меньшей степени обусловлено «вызовом», носившим цивилизационный характер. После распада шумерской цивилизации правители месопотамских городов затеяли войну «всех против всех». Одна из династий обосновалась в скромном провинциальном городке Вавилоне («врата бога») [1, с. 527]. Таким образом, ее истоки выходят из истории первичной шумерской, ставшей впоследствии шумеро-аккадской, цивилизации.

В связи с такой постановкой вопроса особый интерес и научную актуальность представляет осмысление философско-исторического наследия древних цивилизаций в исторической науке. В этом отношении представляют собой особый интерес историософские концепции цивилизационного развития человечества, начиная от Н. И. Данилевского [2], Ф. Кочевича [3] и заканчивая А. Тойнби [4], Ф. Фукиеймой [5] и С. Хантингтоном [6].

Заявленная проблематика исследования недостаточно известна в историографии, включая русскоязычную. Историографическое изучение вавилонской цивилизации, в том числе с точки зрения развития исторических знаний, началось еще с античности (Геродот, Диодор Сицилийский и др.). Особо можно упомянуть вавилонского историка Бероса. Подробная историография вавилонской цивилизации от древности и до настоящего времени представлена в ряде исследований.

Некоторые фрагменты заявленной проблематики отмечались в советской историографии в связи с изучением историографии Древнего Востока [7; 8]. Существенным вкладом в исследование заявленной темы является исследование А. И. Немировского [9]. рассмат-

ривая произведения стран Древнего Востока, содержащие сведения по их истории, А. И. Немировский не считал возможным говорить о существовании в этих странах историографии [9, с. 12]. Он в духе советской историографии возражал против утверждений, будто современное понимание истории восходит к ветхозаветным сказаниям, а не к греческой историографии и философии, трактовавшимся уже античными авторами как наука. Так А. И. Немировский полагал, что историческая мысль, хотя и питалась материалом мифов, начиналась все же с критики мифологического мировоззрения, и корни историографии следует искать в ионийской науке [7, с. 12]. Следует в этом плане отметить также исследование В. И. Кузицина [1] и учебное пособие Л. Я. Климута [10].

Методология и методы исследования. Теоретико-методологические основы статьи опираются на основополагающие, выработанные историософской мыслью принципы и методы научного исследования. Будущее исторической науки будет определяться многообразием методологических подходов и исторических концепций, которые все не смогут претендовать на универсальность [11, с. 41]. Это состояние философии истории и историографии, как одной из форм проявления философского осмысления прошлого, и объясняет, почему в последние десятилетия не появилось принципиально новых концепций исторического процесса [12, с. 48].

В решении поставленных исследовательских задач авторы опирались на основополагающие принципы исторической науки — историзма и объективности, а также ценностный подход. Практическим воплощением вышеназванных принципов в процессе подготовки настоящей работы было применение общенаучных и специально-исторических методов. Методы, применяющиеся в историографии, хотя и используются в других областях исторической науки, но имеют существенную специфику. Наиболее используемыми специально-историческими методами являлись: историко-типологический, историко-системный, историко-генетический, историко-сравнительный, ретроспективного и перспективного анализа.

Результаты исследования и их обсуждение. Исследование культуры и религий Древней Месопотамии, тем более в аспекте выявления и развития исторических знаний, никогда не было приоритетным направлением в советском востоковедении, тем более в начальный период его существования. Период 20-х — начало 50-х годов XX века в советской исторической науке в целом и в востоковедении в частности был временем жесткой марксистской концепции рабовладельческого строя на Древнем Востоке. Советские историки, сторонники формационного подхода критиковали ученых-востоковедов конца XIX — начала XX века за то, что те слишком много, по их мнению, внимания уделяли политической и культурной истории древневосточных обществ и мало места отводили «анализу социально-экономических отношений». Тем не менее они, меняя оценочные акценты, должны были опереться на фактологическую основу исследований своих предшественников (Д. А. Хвольсон, Б. А. Тураев, М. В. Никольский, В. К. Шилейко и др.). В связи с этим обозначим состояние российской ассириологии к началу XX века.

Интерес к религиям народов Древней Месопотамии впервые пробудился в среде богословов и филологов-библейстов. Исходя из этого, российскими исследователями религий Древнего Востока были выходцы из прибалтийских земель Российской империи, где школа библейской текстологии была традиционно сильна как в университетах, так и в еврейских учебных заведениях [13, с. 54].

Традиция изучения религии и мифологии семитских народов была заложена в Санкт-Петербурге профессором Императорского университета Даниилом Авраамовичем Хвольсоном. Первый российский семитолог опубликовал на немецком языке две монографии, посвященные ассиро-вавилонским религиозным представлениям [14; 15]. На рубеже веков в России выходило немало учебных книг о религии Древней Месопотамии. Отметим книгу

З. А. Рагозиной об истории Халдеи [16] и главу «Вавилонская религия и культура» из «Истории древнего Востока» Б. А. Тураева [17, с. 119—159].

На первый этап изучение месопотамской культуры вышло еще в отсутствии российской ассириологии, которая отделяется от семитологии и фольклористики только перед началом Первой мировой войны. Ассириологией принято называть комплекс наук о языках, письменности, истории и культуре народов Древней Месопотамии. Это название сложилось исторически и не вполне точно в связи с тем, что первоначально в связи с открытием библиотеки Ашшурбанапала начала изучаться история Ассирии. Однако вскоре основной в изучении Древней Месопотамии стала история Вавилонии, выразившаяся в концепцию панвавилонизма. Но в науке сохранился уже не вполне корректный термин «ассириология». Основоположником русской профессиональной ассириологии считается М. В. Никольский, многое было сделано египтологами В. С. Голенищевым, Б. А. Тураевым [13].

В связи с этим обстоятельством значительную роль в развитии российского востоковедения играли западные исследования. На русский язык была переведена «Древняя история» Г. Масперо (1892) и его же «Древняя история народов Востока» (1895) со ссылками на древнейший ассириологический источник — историю Вавилонии Беросса (III век до н. э.) историка, астролога и жреца храма Мардука. По Бероссу, Г. Масперо излагал миф о потопе, часть мифа о Гильгамеше как царе Урука, миф о Вавилонской башне, историю первого объединителя Шумера и Аккада — Саргона Древнего. Важное значение имело и исследование французского ассириолога Э. Дормаа «Религия Ассирио-Вавилонии» (1910). Капитальные монографии по истории месопотамской религии создавались в Западной Европе начала XX века, их составителями были библеисты и богословы [18; 19]. Общим положением этих исследований был тезис о возникновении и развитии исторических знаний в рамках мифологии и религиозных систем. Этот тезис был принят и находящейся под влиянием западной ассириологии российской историографией Древнего Востока.

Отмечалось, что влияние Вавилона в истории Месопотамии было столь огромным, что в историографии XIX века возникло течение, получившее название панвавилонизм. Панвавилонизм — течение исторической мысли, возникшее в Германской империи в конце XIX — начале XX века, в его основе лежал тезис, согласно которому различные мировые культуры имели корни в Вавилоне, они могут быть выявлены при анализе вавилонской культуры и религии. До Первой мировой войны немецкая историческая наука считалась самой передовой в мире, в то же время панвавилонисты были одними из первых ассириологов [20, с. 34].

Сторонники этой теории пытались утверждать, что многие представления в области мифологии, религии, магии, различные образы и сюжеты литературы, а также первые знания, в том числе исторического характера, восходят к Вавилонии, которую они считали древнейшей и основной колыбелью человечества. Панвавилонисты представляли Вавилон неким идеальным образцом, существующим вне времени и пространства, которому подражают другие культуры мира. Вавилонская культура превращается в иррациональную величину, не подчиняющуюся законам исторического развития [20, с. 33; 21].

Российская ассириология находилась в значительной степени под влиянием западных исследований, в том числе концепции панвавилонизма. В российском дореволюционном востоковедении отмечалось также, что первые исторические знания в рамках месопотамской цивилизации появились в рамках мифологии, религии, хроник, пророчеств, басни, диалогов, официальных документов. Исторические предсказания существовали еще в старовавилонском царстве, но сравнение отрывочных данных из XVIII века до н. э. (период старовавилонского царства XIX—XVI веков до н. э.) и детальных нововавилонских коллекций показывает, что за тысячелетие эта традиция значительно развилась. Считалось, что поскольку знаки повторяются, то повторяется и сама история. Она становится циклической историей, что было закреплено в циклической теории Э. Мейера, принятой и в российской науке. Отмечалось, что отсюда возникала возможность предвидеть будущее. Философия истории остается той же: то, что случилось в прошлом, произойдет снова [10, с. 23].

Первыми советскими исследователями истории Древней Месопотамии были дореволюционные российские ученые, часто продолжившие свои исследования в области мифологии и конфессиональной истории (Д. А. Хвольсон, В. К. Шилейко и др.). Как отмечалось российскими исследователями, а затем и первыми советскими учеными, изучающими религии Древнего Востока, в том числе в аспекте культуры и развития некоторых исторических представлений, были выходцы из прибалтийских земель Российской империи [13, с. 54].

Д. А. Хвольсон происходил из Вильно, учился в еврейской школе, а затем в университетах Бреслау и Лейпцига, это обстоятельство позволило ему специализироваться в области богословия, что отражалось в интересе к конфессиональной истории Древней Вавилонии. В. В. Струве происходил из остзейских немцев и проявлял исследовательский интерес к конфессиональной истории Древнего Востока, в частности, к мифологии Древней Месопотамии и Египта.

В. К. Шилейко происходил из старинного литовского рода, проявлял особый интерес к исследованиям в области генеалогии и древностям. В 1912—1929 годах религиозная проблематика постоянно присутствовала в его работах. Он называл основные оттенки веры шумеров и вавилонян, в которых ученый видел проявление исторических знаний: вера в существование собрания богов, являющаяся отражением реального политического института городов Шумера — народного собрания; вера в ответственность народа за проступки и грехи царя, что давало органам городского самоуправления, по его мнению, возможность постоянно контролировать все инициативы дворца [13, с. 61]. Ученый в качестве примера приводил правление лугаля Гудеа в Лагоше и Эн-Ментарагесси в Кише.

Одним из оригинальных авторов этого периода по проблематике древневосточных цивилизаций был Д. С. Мережковский. Его наиболее известный труд по истории ассиро-вавилонской культуры «Тайны Трех: Египет и Вавилон» был издан в 1923 году. Д. С. Мережковский ориентировался на труды западноевропейских ученых. Если для изображения Египта он обращается прежде всего к французским авторам — Ф. Шампольону, Г. Масперо, А. Морэ, то первым источником его «вавилоники» следует назвать немецких ассириологов. Они преобладали и количественно, и качественно [22, с. 172]. Отмечается, что Д. С. Мережковский неоднократно ссылался на Г. Винклера и брал из труда последнего положение об удивительной законченности культуры Вавилона. Он приводил сведения из истории Шумера и Вавилонии: делал акцент на важнейших достижениях (деление времени по царствованиям и династиям, календарь), приводил текст надписи царя Саргона и описание его походов, анализировал царский список Шумера и Аккада с точки зрения возможных исторических событий, сопоставлял историю Саргона и Моисея. Вместе с тем эти сведения о древней истории в основном винклеровского происхождения [22, с. 172].

Однако с конца 1920-х годов существенно и окончательно меняется научная конъюнктура, многие ученые переключаются с проблем культурологии, филологии и богословия на проблемы социально-экономического развития обществ Древнего мира, что также не способствовало углублению исследований в области мифологии и религиоведения как областей происхождения исторических знаний. На новые марксистские позиции переходят как уже маститые ученые (В. В. Струве), так и начинающие (И. М. Дьяконов, В. И. Авдиев, А. И. Тюменев).

К примеру, академик В. В. Струве в своем учебнике «История древнего Востока» уже давал новую интерпретацию роли религии и мифологии в Древней Месопотамии. Особенно идеологическим было введение, отражающее вульгарный социологизм. В разделе «Вавилонская культура» довольно подробно излагались сведения о богах Вавилонии, о культах Мардука и Таммуза, представления о загробной жизни, содержание эпосов о сотворении мира, о Гильгамеше не только как герое эпоса, но в первую очередь как правителе Урука; отдельные параграфы посвящены магии, предсказаниям, жречеству и поздневавилонскому обряду встречи Нового года. При этом исследователь вспоминал роль этого обряда в исторических событиях ассирийских и вавилонских царей, приводя, в частности, как пример

участие в новогодней процессии грозного ассирийского царя-завоевателя и реформатора Тиглатпалассара III, принявшего в Вавилоне имя Пулу [23]. Автор отмечал важность вавилонской культуры для становления греко-римского мира, однако не рассматривал ее в аспекте возникновения и развития исторических знаний [23, с. 113]. В целом для него культуры Древнего Востока оставались вспомогательными для интерпретации Библии и античного наследия.

В. В. Струве оставил несколько работ по месопотамской религии. Его анализ вавилонского «Диалога» проводился с позиций теории Э. Мейера о смене двух формаций — феодальной и капиталистической [13, с. 62]. В тексте В. В. Струве сложно переплетаются элементы отвергаемой им христианской догматики и принимаемых социологических учений. В вавилонской религии он находил и троицу, и даже самого Христа [13, с. 70].

Одна из статей начинающего ассириолога И. М. Дьяконова была посвящена возникновению культа Иисуса в связи с историей амореев [24]. В первой части этой статьи излагается история расселения аморейских племен по южной Месопотамии, в том числе завоевание ими Вавилона, основание новой династии. Следует отметить полную чуждость автора статьи христианскому мировоззрению и богословскому дискурсу, элементы которого можно увидеть в любой статье Д. А. Хвольсона, В. К. Шилейко и раннего В. В. Струве. Можно утверждать, что И. М. Дьяконов — человек нового, уже советского поколения, сформированный социологическим подходом к религии [13, с. 68].

В послевоенные годы публикаций по истории религии и мифологии Древней Месопотамии уже почти не было. В 1946 году вышла статья И. М. Дьяконова «Вавилонское политическое сочинение VIII—VII вв. до н. э.» [25], в которой был приведен текст, имеющий исторический аспект: об ответственности царя перед богами за преступления против людей и страны. Ученый полагал, что табличка из библиотеки Ашшурбанапала была назиданием царю Ассирии Синаххерибу, а в качестве примеров дурного царского поведения были представлены реальные события из времен правления Салманасара V и Тиглатпаласара III. Из содержания текста видна вера жителей Древней Месопотамии в то, что боги поддерживают установленные нормы жизни, в случае их нарушения царем — жестоко карают за царское неблагочестие народ и страну. Однако этому вопросу историк не уделил особого внимания, вероятно, в силу иной политической традиции в стране.

Уже в других общественно-политических условиях эту сторону текста раскрыл А. А. Немировский, отмечая следующее: «Если чрезвычайные шаги царя никакой формализованной регламентации не могли подлежать, то регулярное осуществление царских полномочий, наоборот, имело определенные границы, заданные совокупностью норм. Так назывались основные сложившиеся и устоявшиеся нормы жизни страны, включали ключевые иммунитеты и привилегии, полученные ее обитателями и общинами. В рамках регулярной государственной жизни царь не должен был посягать на права самоуправляющихся общин» [26, с. 51].

В 1948 году была опубликована статья А. И. Тюменева «О предназначении людей по мифам древнего Двуречья» [27]. Вскоре вышла капитальная монография ученого «Государственное хозяйство древнего Шумера» [28]. Главное внимание историк уделил социально-экономическим вопросам, тематике религии и мифологии, в том числе факторам исторической хронологии, которые являлись фоном этого исследования.

Следует упомянуть, что в конце 1940-х годов отдельные мотивы месопотамской мифологии вновь оказались необходимы фольклористам для сравнительно-типологических исследований [13, с. 75]. Сама же эта филологическая работа прекратилась в 1934 году после доклада В. В. Струве о рабовладении [29], ставшего вехой в советской историографии Древнего Востока. Вместо издания текстов историки засели за труды Маркса и стали заниматься изучением проблематики рабства в рамках «формационного подхода». Это привело к недостаточной изученности российских коллекций, которые до сих пор полностью не обработаны и не изданы [13, с. 77].

Заключение. Первоначальной фактологической основой развития советской историографии истории Древней Месопотамии была российская ассириология, опирающаяся на западную историческую науку. Отмечалось, что интерес к написанию истории, зародившийся еще в шумерский период, достиг апогея своего развития в нововавилонский период и лучше всего проявился в хрониках. Самые значимые из сохранившихся хроник содержат информацию по длительному периоду от Набонасара до вступления на трон Ашшурбанапала в Ассирии и Шамаш-шум-укина в Вавилоне; правлению Набопаласара и падению Ниневии; правлению Навуходоносора II и правлению Набонида.

Советская ассириология в начальный период своей деятельности (20-е — начало 50-х годов XX века) стала временем становления новых оценочных подходов к проблематике развития культуры, в том числе в аспекте зарождения и развития исторических знаний, в Древней Месопотамии. В период 20-х — начала 30-х годов XX века сохранялась основная тематика и оценочные подходы дореволюционной российской историографии. Однако препятствием к углубленному изучению заявленной проблематики было господство марксистской методологии, которая установилась с конца 20-х — начала 30-х годов XX века и отдавала предпочтение изучению социально-экономических вопросов.

В период второй половины 30-х — середины 50-х годов XX века советская ассириология, как и вся советская историография Древнего Востока, окончательно вошла в рамки жесткой марксистской концепции рабовладельческого строя на Древнем Востоке. Тематика культурологии, филологии и богословия вытесняется проблематикой социально-экономического развития обществ Древнего мира. Это не способствовало углублению исследований в области мифологии и религиоведения как областей происхождения исторических знаний. Утвердилось положение, что возникновение исторической науки восходит не к ветхозаветным сказаниям исторического характера, а к греческой историографии и философии, в связи с этим историографии как науки в Древней Вавилонии не существовало. Основы этих оценочных позиций с незначительными изменениями сохранились до конца существования советской исторической науки.

Список цитируемых источников

1. Историография истории Древнего Востока / под ред. В. И. Кузищина. — М. : Высш. шк., 2008. — 719 с.
2. Данилевский, Н. Я. Россия и Европа / Н. Я. Данилевский. — М. : Обществ. польза, 1871. — 574 с.
3. *Konieczny, F.* O wielości cywilizacyj / F. Konieczny. — Kraków : Gebethner i Wolff, 1935. — 478 s.
4. Тойнби, А. Дж. Постижение истории / А. Дж. Тойнби. — М. : Айрис-пресс, 2003. — 672 с.
5. *Fukuyama, F.* The End of History and the Last Man / F. Fukuyama. — New York : Free Press, 1992. — 179 p.
6. *Huntington, S.* The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order / S. Huntington. — London : Touchstone books, 1996. — 640 p.
7. *Постовская, Н. М.* Изучение древней истории Ближнего Востока в Советском Союзе (1917—1959 гг.) / Н. М. Постовская. — М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1961. — 438 с.
8. *Авдиев, В. И.* Изучение истории Древнего Востока за 25 лет (1917—1942) / В. И. Авдиев // Истор. журн. — 1942. — № 10. — С. 98—102.
9. *Немировский, А. И.* Рождение Клио: у истоков исторической мысли / А. И. Немировский. — Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1986. — 351 с.
10. *Климуть, Л. Я.* История исторической мысли / Л. Я. Климуть. — Могилев : МГУ им. А. А. Кулешова, 2018. — 116 с.
11. *Нечухрин, А. Н.* Содержание понятия «кризис историографии» / А. Н. Нечухрин, С. П. Рамазанов // Крыніцазнаўства і спецыяльныя гістарычныя дысцыпліны : навук. зб. / С. М. Ходзін (адк. рэд.). — Мінск, 2007. — Вып. 3. — С. 35—46.
12. *Кручковский, Т. Т.* История Польши в концепциях российской историографии XIX — начала XX века : дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.09 / Т. Т. Кручковский. — Минск, 2017. — 338 л.
13. *Емельянов, В.* Религия древней Месопотамии в работах петербургских востоковедов и фольклористов конца XIX — начала XX века / В. Емельянов // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. — 2018. — № 1. — С. 54—81.

14. *Chwolsohn, D. A.* Über die Überrestealt babylonischer Literatur in arabischen Übersetzungen / D. A. Chwolsohn. — Petersburg : Buchdruckerei der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften, 1859.
15. *Chwolsohn, D. A.* Über Tammûzund die Menschen verehrung bei den alten Babyloniern / D. A. Chwolsohn. — Petersburg : Kaiserliche Akademie der Wissenschaften, 1860.
16. *Рагозина, З. А.* История Халдеи с отдаленнейших времен до возвышения Ассирии / З. А. Рагозина. — СПб. : Изд. А. Ф. Маркса, 1902. — 447 с.
17. *Тураев, Б. А.* История древнего Востока / Б. А. Тураев. — Л. : Соц.-экон. изд-во, 1935. — Т. 1. — 308 с.
18. *Jastrow, M.* Die Religion Babyloniens und Assyriens / M. Jastrow. — Giessen : J. Ricker'sche Verlagsbuchhandlung, 1907. — Т. 1—2.
19. *Jeremias, A.* Das Alte Testament im Lichte des Alten Orients. Handbuch zum biblisch-orientalischen Altertum / A. Jeremias. — Leipzig : J. C. Hinrichs, 1904. — 624 p.
20. *Попова, А. А.* Панвавилонизм в российской исторической науке первой трети XX века / А. А. Попова // Уч. зап. Каз. ун-та, 2020. — Т. 162, кн. 3. — С. 27—41.
21. *Милибанд, С. Д.* Востоковеды России. XX — начало XXI века : библиограф. слов. / С. Д. Милибанд. — М. : Вост. лит., 2008. — 990 с.
22. *Осьминина, Е. А.* Ассиро-вавилонская культура в изображении Д. С. Мережковского / Е. А. Осьминина // Вестн. МГЛУ. — 2017. — Вып. 7. — С. 170—178.
23. *Струве, В. В.* История Древнего Востока / В. В. Струве. — М. : Госполитиздат, 1941. — 484 с.
24. *Дьяконов, И. М.* Амореи (к происхождению культа бога Иисуса) / И. М. Дьяконов // ВДИ. — 1939. — № 4. — С. 60—69.
25. *Дьяконов, И. М.* Вавилонское политическое сочинение VIII—VII вв. до н. э. / И. М. Дьяконов // ВДИ. — 1946. — № 4. — С. 41—53.
26. *Немировский, А. А.* «Если царь с законоустановлением страны не считается...». Правитель, подданные и норма в вавилоно-ассирийском мире / А. А. Немировский // Правитель и его подданные: социокультурная норма и ограничения единоличной власти. — 2-е изд. — М., 2009. — Гл. 2. — С. 47—63.
27. *Тюменев, А. И.* О предназначении людей по мифам древнего Двуречья / А. И. Тюменев // ВДИ. — 1948. — № 4. — С. 14—23.
28. *Тюменев, А. И.* Государственное хозяйство древнего Шумера / А. И. Тюменев. — М.—Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1956. — 519 с.
29. *Струве, В. В.* Проблема зарождения, развития и разложения рабовладельческих обществ древнего Востока : докл. и закл. слово / В. В. Струве // Изв. ГАИМК. — 1934. — Вып. 77. — С. 32—111, 157—181.

Поступила в редакцию 05.03.2024.